

63.3(2р-4тул)
Б90

исторія
ГОРОДА ТУЛЫ

Мѣщанина Абрама Булыгина,

о

чудныхъ его на свѣтѣ по-
хожденіяхъ, объ охо-
тахъ, веселосняхъ,
и объ работахъ.

А. Сашовъ

К

20.387

Когда эти книжки кто будет читать; друзья, приятели и не знакомые люди не сомневайтесь.

Ни одного тутъ слова ложнаго нѣтъ; такъ написано, какъ въ книгѣ напечатано.

Съ начала моихъ работъ не было у меня никакихъ большихъ заботъ.

Только я во первыхъ сапоги, вершки и жомупины шивалъ, при томъ и казенную работу не забывалъ.

Во вторыхъ замки, и приборы обширалъ.

Во третьихъ драгунскіе наборы, бляхи и наконечники обширалъ.

Къ новокорпуснымъ ножамъ крыжи, бляхи, и наконечники обширалъ.

И всякія разныя подблки наждакомъ чищалъ, при томъ на штыки и нажны шивалъ.

Во Прусскую войну былъ Государственной Указъ: кто способенъ оружей-

жейную работу работать, изъ всякихъ званіевъ людей принимать, чѣмъ записывались въ оружейную слободу. Я изъ купцовъ и записался въ оружейную слободу, и пошелъ волею въ заводъ въ полерную работань, гдѣ бывало почилѣ до смерти.

И почилъ я сабли трехъ-дольныя, двухъ-дольныя, одно-дольныя.

Плечи драгунскіе, при томъ и солдатскіе почилъ.

Штыки солдатскіе, и нажиновокорпусные почилъ, и шѣмъ свою работу окончилъ.

Купцы меня съ заводу усильствомъ взяли и въ камениой мешокъ посадили.

Подержавъ меня двѣ недѣли ко опачи прижди въ рекруты водили.

И въ спанокъ чешыре раза спановили.

Въ то время Президенты бывали, и въ присудивенныя мѣста меня призыва-

ывали, и натурально меня изъ рѣ-
чей шозали, и на словахъ крѣпко
приказали.

Чтобъ я въ полерную работашъ не хо-
дилъ, и по шы намъ зѣпимъ досадила.

Я въ зшо мѣсно и не пошелъ, иное
себѣ дѣло нашелъ, и въ кабацкіе ца-
ловальники пошелъ.

И годовое себѣ пропитанія нашелъ.

По томъ онъ кабацкихъ цаловаль-
никовъ опшелъ и шорговое себѣ дѣло
нашелъ.

Купецъ спазъ меня къ себѣ звать;
поди Абрамъ ко мнѣ хлѣбомъ шорго-
вать.

И я купцу оному отвѣчалъ, что
я шорговья дѣла во грѣхъ замѣчалъ.

И я привыкъ больше къ работамъ,
а не къ шорговымъ заботамъ.

И я шорговать у него хлѣбомъ обу-
чился, и въ два года онъ него прочъ
оплучился.

Два года я у него прожилъ, а за
работу онъ мнѣ ничего не положилъ.

И я оставилъ торговую заботу, и принялся опять за казенную работу.

Эвнтонъ хозяинъ мой остался, опять со мною не распался.

И я за обиду свою добро тебѣ отдаю.

Чемъ мнѣ людямъ подавать, а я хочу тебѣ добро отдавать.

Вонъ мнѣ сидѣть въ лавкѣ не съ чемъ и я съ благодарностію въ эвнтой лавкѣ остался.

И съ шоргомъ хлѣбнымъ не распался.

Работалъ и торговалъ, при томъ и веселости не забывалъ.

Въ работахъ и торговыхъ заботахъ сорокъ лѣтъ обращался.

Десяти лѣтъ вступилъ въ работу и торговую заботу, и во всѣ Свѣтскія веселости.

Только я на свѣтѣ двухъ дѣлъ не имѣлъ, а то я почти все разумѣлъ.

Во первыхъ въ карты не игралъ, да вина не пивалъ, а множеству веселостей видалъ.

Музы-

Музыки вакаальныя, духовыя и инструментальныя, въ пѣсняхъ, скрипкахъ, въ пляскахъ и скаскахъ.

Въ охотахъ я долго находился и много оными веселился.

А именно: въ чижачьихъ, скворчачьихъ, соловьячьихъ, пелопелячьихъ и голубячьихъ.

Въ операхъ, въ редутахъ, въ комедіяхъ, въ маскарадахъ, и въ концертахъ и балансертахъ.

Въ кулачныхъ бояхъ великимъ полководцемъ бываю; пятьюстами двухъ тысячъ побиваю.

Двадцать люди у меня всѣ въ командѣ бывали, изъ которыхъ мы одинъ на одинъ битвѣя посылали.

Съ юцвами и пріязниими не возможное дѣло сдѣлали въ своемъ Гражданствѣ.

Въ своихъ веселостяхъ и въ забавахъ отличной фейверкѣ сочинили, и многихъ гражданъ къ смотрѣнію превратили.

Изъ

Изъ селъ и деревень дворянъ гля-
дѣшь захопѣли.

Щипѣ при помѣ былъ у насъ ачат-
но. съ разными огнями.

Богиня написана была пречудная, а
ракеты были ошачныя.

И своихъ эвшихъ рабятъ къ эвтой
работѣ опряжали, и всякую ночь въ
работѣ бывали.

И гдѣ три братца, то одного въ
ночь возьмѣтъ поработаться.

Гдѣ два братца въ домашней работѣ,
то одинъ подвинься къ нашей забо-
тѣ.

А когда одинъ въ домашней заботѣ,
то подвинься одинъ день въ недѣлѣ
къ нашей работѣ.

А эшотѣ фейерверкѣ сожгли и
окончили.

А я на свѣтѣ большева богатства
не имѣлъ, а больше въ веселостяхъ
разумѣлъ.

И такъ я въ веселоспяхъ обращался, въ чешверо супокъ, и домой не возвращался.

При томъ и о будущей жизни разумблъ и къ веселоспяхмъ былъ умблъ.

Только въ году два дни роздыхъ имблъ: подъ свѣтлое Воскресенье и подъ Рождество, съ вечеру домой приходилъ и про веселоспяхи не говорилъ.

А пѣсенная артель значная сорокъ лѣтнъ у меня была, и во опланичнѣ славѣ жила.

Двадцать чловѣкѣ въ комплектѣ было: скрипочники и балалаичники.

Десять чловѣкѣ пѣсенниковѣ, и три пары плясуновѣ.

И играли вакальнную Азіатскую музыку, парелки были значныя, литавра была пречудная, лошки были опмѣнныя, а трещотки опланичныя, дудочка фигурная.

Ни чему мы такъ не удивлялись, чпю

чпо ни гдѣ и ни укаго не учились.

А со Азіатскою музыкою не разучались, и сами собою играють въ нее научились.

До пятидесяти лѣтъ во всякихъ веселостяхъ обращался, скорби и болѣзни не бывали.

А когда я оный эвпихъ охотѣ отшелъ, то такъ я скорбей много нашелъ.

Тупѣ эвпими веселостями не занимался, и въ Москву не однократно пробирался.

На прехѣ горахъ были чудности, а я прѣзжалъ смотрѣть отличности.

Однакожъ я по стенамъ прибѣлъ дванацать зеркаловъ, и глядѣлъ въ нихъ, которое свѣтлѣе всѣхъ.

Такъ я эвно зеркало нашелъ, а отъ нѣхъ всѣхъ прочь пошелъ.

Такъ я разсматривалъ и въ охотахъ и въ веселостяхъ, которая
лучш-

лучше охота, съ пою остаться, а съ тѣми пришлось со всѣми расстаться.

Еще же мы на лодкахъ по гульбищамъ гуляли, и голубей чистыхъ изъ водъ пуцали.

Пѣвчихъ нотныхъ и предикъ нада послушать, припипи домой, да покушать.

Во всѣхъ охотахъ концы находилъ, а въ чижиной охотѣ конца не нашелъ; такъ отъ ней прочь и пошелъ.

Знался я съ людьми чудными и отличными: съ сапожниками, съ вершечниками, съ ямщиками и съ старинными деньщиками.

Съ оружейниками: съ Русскими, съ Прусскими, съ Шведскими, и Нѣмецкими, со Азіатскими и — со многими людьми.

И со всѣхъ сторонъ везли и несли мнѣ новыя пѣсни, и я принималъ за новыя вѣсти.

А грамотѣ я нѣ умелъ, и многой народъ объ эвтомъ разумѣлъ.

Человѣкъ тысячу на письмѣ ибси меня учили, а наконецъ съ ними — разлучили.

При номъ я эвтихъ охотъ рѣшилъ ся и въ Петербургъ гуляшь совершилъ ся.

Двѣнадцать недѣль я тамъ проживалъ, по большимъ и по маинькимъ улицамъ гулялъ, и въ Кронштадтѣ и въ Пинера пробѣжалъ, и тамъ три дня прогулялъ.

Въ Ранбовѣ, и въ Пеперговѣ бывалъ, да я тамъ и дня не проживалъ.

Въ Царское село пѣшкомъ гуляшь пошелъ, и тамъ много веселостей нашелъ.

Изъ Царскаго села пошелъ и Софію новой городъ нашелъ.

Три дни я тамъ повеселился, и опять въ Пинерѣ возвратился.

Изъ Питербурга пошелъ, и Крестовкой островъ нашелъ.

Въ каменной островъ зашелъ, и тамо мызы нашелъ.

Опѣ шуда на лодкахъ переѣжалъ и въ лѣсахъ до мызы дѣбжалъ.

Изъ зпной мызы поворопился и на лѣво въ Питеръ возвратился.

И на Петербургской славной Биржи часто бывалъ, и въ Галерной гавани живалъ.

Въ Академіи наукъ бывалъ, и въ Куцъ-Каморъ разныя вещи видалъ.

Въ Нѣвскомъ монастырѣ во время гульбища бывалъ, и множество людей видалъ.

И въ Петербургскихъ театрахъ четыре раза былъ, и веселоспѣй не забывалъ.

Актерамъ я удивлялся, и на балѣтчиковъ увеселился.

Съ Питеромъ я простился, и въ Тулу городъ свой возвратился.

А когда я былъ не монахомъ, не чен-

ченцомъ; тогда я гулялъ въ компаніяхъ молодцомъ.

А я нынѣча трудъ прилагаю больше къ голубиной чисшой охотѣ припадаю.

Тульскихъ, Ярославскихъ, Московскихъ по три раза на каждой день гоняю, а только ненасное время пропущаю.

Тульскихъ голубей по десяти гнѣздъ пуцаю, Ярославскихъ и Московскихъ по гнѣзду пуцаю.

Лѣвикъ съ лѣвикомъ, а правикъ съ правикомъ.

Толкованіе о чижинной охотѣ.

Не на охота чижинная, что въ клѣпкахъ держутъ.

А на охота чижинная, чтобъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ лѣса ходитъ и чижей ловитъ.

Весною лѣпяны они съ полуденной стороны на полуночь въ Сибирскую сторону водитъ дѣшей.

Гдѣ лѣса превеликія, и тамъ имъ пропитаніе хорошее.

Бѣрезы и ольхи кормныя съ шишками.

Трава чижиная и пушокъ съ сѣмемъ рождаются, тѣмъ они въ шѣхъ лѣсахъ и питаются.

И тамъ водятся, и этими кормами съ молодыми чижамі кормятся.

И какъ тамъ они опводятся, и въ Сентябрѣ мѣсяцѣ опъ Тулы прочь опволяются.

И стануть они лѣшель на полуденную сторону опянь къ морю на свое мѣсто.

А тамъ имъ прожить не можно въ тѣхъ лѣсахъ опъ стыди, гдѣ они дѣтей водили.

А мы въ это время изъ города Тулы въ это лѣса въ полночь ходимъ, а день ихъ ловимъ.

Верстѣ за десятиѣ и за двадцатиѣ, выбираемъ мѣсна пристойныя, и поляны превеликія на полверсты и на версту.

И выбираемъ на эвпихъ полянахъ
дерева пристойныя.

Чшобъ были двухъ сажень, а понуж-
нбе шрехъ, и чшобъ сшояли кругови-
ною сажени на шри, чшобъ порожене-
мбсно промежъ ихъ было.

И чисшимъ на эшомъ мбспб ша-
чокъ, и прибиваемъ на эшомъ шачку,
сбшочные понцы по двб сажени дли-
ны, по пшши четвершей ширины.

И подъ эвпими крыльями вырыты
ямки по два аршина длины, по полу-
аршина ширины.

Нашаскаемъ въ тб ямки глины и
польемъ оную глину водою, и расшоп-
чемъ ногою, и сдблаемъ изъ шой гли-
ны корышцами и нальемъ въ нихъ
воды.

И перетычемъ эшту воду лучками.

И разомкнемъ сбшочные понцы на
эвши лучки, а эшту понечную сбшкку
не допусшимъ до воды обмочиться.

И прибиваемъ на эшомъ шочку дб-
рвян-

ревянную коспылку пяти четвертей длины.

И привязываемъ къ коспылочку къ концу чижа живаго подбрушона подъ крылушки на спину.

И за коспылочку нишочка привязана сажень пять, или болѣ до мѣста, на коемъ спаненъ сидѣть.

И сдѣланъ опѣ точку за пять сажень, или далѣ шелашикъ.

И проведена въ эвпониѣ шелашикъ понечная помченъ веревочка.

И что за коспылочку привязано, нишочка въ топѣ же шелашикъ проведена.

И чижей мы эвтихъ покупаемъ, даемъ полушку, денежку и копѣйку, и держимъ ихъ въ каѣникахъ годъ.

И къ эвной осени изъ нихъ иныиѣ не линяюти; и паковыхъ у насъ осенью дорого покупаюти.

За полушку, и денежку, и за копѣйку; дорого плашиѣ подпѣналу, по пятидесяти копѣекъ, и по рублю.

937241

А которые изъ нихъ кричатъ не поняшную философію; за того плащяшъ по два рубли, и по три рубли, и по пяти рубли.

И выснаваляемъ эту охоту за часъ до свѣту, а подпѣваю, онаго чижа, сшавимъ подлѣ самаго вюку.

А которой поестъ не поняшную философію; того сшавимъ на шеспику шадъ шелашикомъ.

А ко оному шеспику привязываемъ ниточку для осторожности.

Когда дикіе чижи лѣпшяшъ; а оной на шеспику поестъ просто, какъ не усмотритъ.

Тогда за ниточку его потрясемъ, что бѣ онъ закричалъ не поняшную философію.

А еще чижей въ клѣткахъ поставимъ по сторонамъ сажень за десять, и за двадцать, и за пятьдесятъ до солнечнаго входу.

Выше же чижи дикіе и похѣтяшъ ар-

артельми чижей по двадцати, по пятидесяти, и по сну, и болбе.

То мы и сами посвисываемь, а они лбшашь цопиликоваюшь.

То наши чижи вь кабшкахь услышашь и спанушь шилакапь, и кь себь ихь кликашь.

А когда близко прилбтяшь, то авпоть чижь услышишь и запосишь не понятну философию; по они сь древа кь зному шочку и сядушь.

И шушь на шочку привязаны десять чижонковь за крылушки по розну.

А подбрушовой чижь за костылку за кончикь привязань.

То мы за зшту ниточку и потянемь, кошорад за кошылочку привязана.

То зштоть чижь на кошылочкь и лбшашь, дикі чижи ав томь спанушь испашься.

А подбвала нашь спашешь вь кабшкь подбвалать.

И намечутся десятка два, и три, и пятьдесят.

А мы для них на эпокы почокы сыпимь разнаго корму, которой они охотно бдяш.

Которые бросаются на кормы, а которые на питье; сбика же не допускаемь ихъ напиться.

А ежели дать имъ напиться, то они скоро ультят.

И сполько ихъ уже не омыкнешь, а мы ихъ омыкаемь десятка по два, и по три, и по пятидесятъ во одинъ разъ.

И станимь имъ головы рвать.

А услышимь, другая артель льтитъ; то мы понцы скорбе разомкнемь, а которымъ головы порвемь; то нибх на точку и покинемь.

И подшпаремь опянь эпитимь своимъ чижомъ; а дикіе почнушъ киданься опянь въ шокъ.

А мы и эптихъ помкнемь и голо-

вы порвемъ ; а чижа эшаго въ руки
возмемъ.

Которой не понятную философію
поемъ.

А которые останутся дикіе живые,
вскочатъ съ древа, полбняпъ.

А оной чижъ запоемъ не понят-
ную философію.

То оные чижи сядутъ на клѣтку,
и на руки и всей чижицей охонъ

КОНЕЦЪ.

А ежели другія мои охоты истол-
коватъ ; шо на воловей большій оужъ
не уписанъ.

Оному охотнику шестьдесятъ
лѣтъ, и безъ веселостей у него одне
дня нѣтъ.

Во уныніяхъ не бывалъ, а въ ве-
селостяхъ пребывалъ.

Не было такова отъ начала свѣтка.

И по немъ не будешъ такова чело-вѣка.

Онъ на свѣшѣ ни о чемъ не ста-рался, а въ вольноспяхъ упражнялся.

Не думалъ о домѣ, о женѣ, и о дѣтяхъ, а желалъ весело жить на свѣшѣ; а о прочемъ говорить нель-зя.

Имѣлъ жизни шестидесять годовъ на свѣшѣ: десять лѣтъ разныя работы работалъ, сорокъ лѣтъ во одной лавкѣ хлѣбомъ торговалъ, и долженъ вѣкъ свой не бывалъ ни кому ни на десять, ни на пятидесять, ни на сто рублей.

А денегъ своихъ у меня болѣе двухъ, прехъ сонъ и пани не бы-вало.

А болѣе меня на свѣшѣ ни кто не повеселился.

И въ свое удовольствіе ни кто такъ не прожилъ, до пятидесяти лѣтъ

дѣтъ въ превеликихъ веселостяхъ и охотѣхъ обращался.

А какъ пятьдесятъ лѣтъ прошло; то много отъ меня охотъ и веселостей отошло.

А нынѣ я со одною голубячею охотою остался.

И еще со операми и рѣдутами не остался.

Баланцерты и комедии меня увеселяютъ.

Такожь де и прежніе пріятели меня не бѣспавляютъ.

Этихъ чловѣкъ сочинилъ своимъ книжкамъ.

Сорокъ лѣтъ собиралъ веселости волюю своею, и прекратилъ оное охоту свою.

А ежелибъ принудили по командѣ; тобы мнѣ и съ ума было соннѣть, или умереть.

Всѣ охоты я свои рѣшилъ публичною оказією.

А пбсенную артель распустилъ съ великимъ доказательствомъ.

Въ своемъ гражданствѣ рѣшилъ свои охоты до пятидесяти лѣтъ за три года, за два, и за одинъ.

Компорой годъ рѣшилъ пять охотъ, во второй рѣшилъ шесть, а въ третьей доспалось и десять; рѣшилъ и хорошо совершилъ.

И спали просить меня пбсенные артельщики изъ чесни.

Всѣ охоты эти три года рѣшилъ и хорошо совершилъ.

Покорно просимъ мы тебя изъ чесни, чтобы пбсенную послѣднюю артель распустить.

Мы уже тебя обидить не хотимъ.

И я имъ на то ошвѣчалъ: погодите друзья, какъ пятидесяти лѣтъ минеть, такъ Булыгинъ и артель пбсенную покинетъ съ великими чудесами и ошличносьюми, что мнѣ будетъ угодно и по моимъ мыслямъ сходно.

Чсму

Чему вы сами, аршалыщики, подивитесь, и очень много прослезитесь.

А они зному не уѣрялись, и на зпи слова не опредѣлялись.

А какъ на пракшикѣ осмоуѣлись, и къ слѣзамъ опредѣлились.

Я обв сырной недѣли собиралъ свою пѣсенную аршелъ по три ночи:

Въ первую ночь созвалъ своихъ пріятелей, оружейниковъ, глядѣть и смоуѣть послѣднюю аршелъ чудную.

И въ часъ ночи зажегъ плошки на своихъ хоромахъ, и на крышки.

Разстворилъ вороны, и сени и во всѣхъ покояхъ дѣри; а кно идешь мимо и спрашиваетъ; оуъ чего шакъ горятъ плошки и свѣтятся во всѣхъ покояхъ.

И сказываютъ, что распуцаетъ послѣднюю пѣсенную свою аршелъ.

И желающіе были и говорили: пойдѣте, поглядите зпу аршелъ.

Послѣ зтой аршели не увидимъ, не услышимъ.

Пѣли, играли во всѣ инструменты, и смонѣбли на наши докуменпы.

До полумочи дождались, шакѣ и съ Булыгинымѣ разстались.

На другую ночь опять собрались, и купечества пріяшелей дождались.

Снаали играшь и веселишья, было бы на чшо пріяшелямѣ насмонѣрѣтья.

Часѣ съ полуночи дождались, и съ Булыгинымѣ разпроцались.

Вѣ пренью мочь мы собрались, и Дворянства дожидались.

Приказали мы играшь, Благородныхѣ забавляшь.

Какѣ съ игрою мы рѣшились, шакѣ съ Дворянами простились.

И шакѣ я вѣ своемѣ домѣ съ пѣсенною арпелью оснаался, и съ чудесами еще не роснаался.

Изѣ этой пѣсенной артели были выбраны два человекѣ къ рѣшенію чудному.

Одинѣ предводилель, а другой спаросна.

И приказано было эвтому мною предводителю, что бы принесъ книгу, о вѣпоромъ Хрисшовомъ принесены, и что бѣ оную архельщикамъ не показывашь.

Предводитель сказалъ старощѣ, чтобъ внесъ колопку въ избу.

А самъ Булыгинъ попребовалъ у старостѣ: подавай гаерское плашье!

Кавпэнъ, сапоги, шапку и рубаху и приказалъ заплитишь печку въ своемъ домѣ.

Предводитель приказалъ старостѣ изрубишь гаерское плашье; и подавай хозяину въ руки.

Тунъ же и я принималъ, и съ радостію въ печку мѣшалъ.

А потомъ приказалъ изрубишь гусарское плашье,

Стали мнѣ въ руки подавань, а я плудажъ огню предавань.

Мѣдную лишавру, и шарелки, и деревянные преценки, и дудочку ошличную шомужъ огню предали.

Ложечникъ былъ удалой, онъ же и раскольникъ, сего рѣшенія устращивался, и къ тому не возвратился.

И бросилъ свои собственныя ложки въ потѣ же огонь.

И говоривъ предводителю Булыгину: со всѣми рѣшились; на сіе хозяинъ опивчалъ: не со всѣми видно будетъ и всѣми.

Я збиралъ мѣсяцъ одинъ писанья пѣни и на аршельщикахъ векселя, каковыя были на комъ мои деньги.

На одномъ десять рублей, на другомъ дванцать рублей, а на прочихъ по тридцати рублей и болѣе.

Булыгинъ сталъ своимъ должникамъ говорить: Ну друзья видно мнѣ съ вами не судиться, а надобно добромъ рѣшиться.

А лучше огнемъ совершиться, и я васъ всѣхъ въ долгахъ своихъ прощаю, и къ себѣ впередъ не желаю.

И въ послѣдней спросилъ предводителя

тель у Булыгина настоятеля ; что еще осталось ?

Булыгинъ ему отвѣчалъ : только осталась одна моя собственная скрипка.

Которую давали мнѣ двадцать рублей, и оную я описуилъ было приятелю изъ дворянъ ; да по нуждѣ и солгалъ.

Потому, что я въ потѣ домъ всегда вхожъ, оная скрипка будетъ на сценѣ висѣть ; а я буду на нее глядѣть.

Глазъ бы мой не видалъ, и ухо бѣ мое не слышало.

Отдвинься предводитель на просторъ и хлопни ее обѣ спилю.

И разбитую собрали, и ко мнѣ въ руки подали, а я бросилъ въ печь да-лѣй.

Спрашиваетъ предводитель ; что теперь еще дѣлать ? а тотъ Булыгинъ отвѣчалъ и приказалъ :

Видишь ты изъ кулечка книгу и прочти
этимъ

вѣтнимъ людямъ маломысленнымъ и много-грѣшникомъ,

Артельщикамъ моимъ.

И всѣ они устрашились, и многіе прослезились :

Попомъ настоятель приказалъ артельщикамъ садиться за столъ.

А хозяйки приказалъ подовзвъ блины на столъ, пошло и вино; подавай суда и рыбу.

Опдавай хозяйка эшту должность и правило, чтобъ пиво и вино поставило :

Этомъ Булыгинъ сталъ ихъ потчивать; попейте друзья и побшите послѣднее у меня въ домъ :

А они Святаго Писанія устрашились, пить и ѣсть не спали, и такъ не ѣвши отъ стола опстали.

Не хотѣвъ ни пить и ѣсть; устрашились сердца наши отъ чтенія Святаго Писанія.

Этомъ

Этотъ Булыгинъ сказалъ , что сядыте по своимъ мѣстамъ.

И отвинувъ столъ , а самъ спалъ на проспектъ , и спалъ на колѣни передъ главнымъ плясуномъ , и спалъ просить у него прощенія противъ своего согрѣшенія.

Прости братъ меня вдругъ , и не вернись опять вокругъ.

И этотъ плясунъ не усидѣвъ на лавкѣ , и спалъ на полъ на колѣняхъ разпрострился и поцѣловался чинно со мною.

И этотъ Булыгинъ , вставши съ полу , и опять главному пѣсеннику палъ въ ноги.

И спалъ просить прощенія : прощай другъ сердечной!

Что я вашему дому тридцать лѣтъ досаждалъ ; у васъ была сборная изба , отдѣльная рабочая.

И когда зборъ этой артели бываетъ , то работы всѣхъ четырехъ братьевъ отбиваютъ.

И такъ теперь друзья прощайте; въшой аршели у васъ збору не будешъ и на вѣкъ про васъ забудушъ.

А попомъ третьему аршелцику поклонился и самъ на полъ повалился.

И оной арпельщикъ не усидѣлъ, и спалъ просишь прощенія пропивъ согрѣшенія.

И со всѣми арпельщиками прощасть распался, а это было въ Субботу подѣ прощеной день.

И я имъ сказаъ: приходите завтра на прощеной день; и тогда простимся.

И тогда на поранѣ всѣ арпельщики мой собралися, и въ домъ мой вобралися.

И велѣлъ я имъ садиться за столъ, и позалъ ихъ натурально избрѣчей:

Они пьянства уймипесь и отъ грубіяства утаинпесь.

И сказаъ имъ: попейте и побште друзья у меня въ домъ послѣдне.

И я охотникъ былъ, до васъпопанишь и покормишь.

И чтобъ до домовъ своихъ на силу
дойтишь.

Какъ попили и побли; и такъ къ вину
пристали, что безъ ума всѣ спали.

Которой ползеть подъ лавку, кошо-
рые подъ печь лезушь, а въ дверь не
пролезутъ.

Притомъ въ этой артели не пьютъ
изъ насъ двое вина.

И почали таскати по одномъ подъ
ворота и вытаскали дваццати человекъ,
очень хмѣльныхъ на дворъ и послали
на биржу, чтобъ прѣхалъ извозчикъ.

Прѣхалъ извозчикъ, ворота распто-
рили; извозчикъ отказался, что очень
хмѣльны, я боюсь такихъ весить.

И послали за другими, и рубль ему
заплатили.

И я ихъ развезъ: куда двухъ, куда
одного по домамъ своимъ.

И этотъ Булыгинъ остался съ по-
косомъ на прощенной день.

А въ чисной понедѣльникъ бывають
у насъ превеликіе кулашныя бои.

То оныя всѣ артельщики, собравшись, и до моего двора добравшись, и спущавшѣ съ улицы въ окошко: здравствуй Абрамъ Аншонычъ!

А я, Абрамъ, имъ отвѣчалъ: живы ли вы послѣ вчерашняго?

А они говоряшѣ: что все слава Богу живы. Ежели бы аѣпомъ; шобы инче померли.

И я взялъ ихъ къ себѣ всѣхъ въ избу.

И они спали меня звать: пойдѣмъ, ты охотникъ, съ нами на кулачной бой полководничанъ, а намъ чптобы бипься.

И я имъ поднесъ по стакану вина, да далъ денегъ рубль; сказалъ имъ: на кулачной бой находите, и на всѣ веселости не глядите.

Будившѣ. — Повеселились на свѣтѣ довольно.

И при семъ покорно васъ благодарю знающіе Дворяна, и разумные Бояра.

Дали мнѣ опличность прошивъ всѣхъ Тульскихъ гражданъ.

Удостоили меня вольнымъ билетомъ, чѣпобъ входишь въ Дворянскія веселости безъ всякаго задержанія и безденежно.

Пятьдесятъ я лѣтъ прожилъ и не очемъ не тужилъ.

А нынѣ девятой годъ доживаю, да помуживаю обѣ одной законной надобности.

При отцѣ и матери въ малолѣтствѣ обученъ былъ въ грамотѣ; когда отецъ и мать земли предался.

А я съ ученою грамотою на вѣкъ раснался.

Вступилъ въ вольности, и въ превеликія веселости, и въ шрещи не возможные охоты.

Пяпдесятъ лѣтъ въ руки я ученую грамоту не бралъ, да изабвенію предалъ.

И нынѣ писать не умѣю, а чипашъ давно не разумѣю.

А когда я въ Пиперѣ жилъ въ двухъ киркахъ былъ.

Въ одной кирки книжки читають, а въ другой на органахъ играють, челоуѣ-
ческія души уловляють, и къ своей вѣ-
рѣ привлекають.

Любитель веселостей и сочинитель
книшкамъ.

Своимъ сорокъ лѣтъ хлѣбомъ тор-
говалъ, одной недѣли не избралъ.

На щопяхъ обучився, торговать
хлѣбомъ умѣю, а на щопяхъ и теперь
не разумѣю.

Отъ вольности и веселости отъ
треньихъ не возможныхъ охотъ.

К О Н Е Ц Ъ

сей исторіи.